

Крестьянский перекресток

Почему стопорятся на селе реформы?

КРЕСТЬЯНИН сейчас на перекрестке: куда, по какой дороге идти, с кем разделить свою печаль? Вроде бы и выбор есть, продиктованный сверху. Налево пойдешь – попадешь в ассоциацию фермеров, прямо – в акционеры, направо – в кооператив. Поди разберись, куда податься, ведь ни один путь еще не опробован. Повсюду набивший оскомину лозунг: крестьяне должны решать сами. Вот и не может крестьянин оторваться от своей «крепости». Кто только не штурмовал ее! Несколько династий русских царей, Витте и Столыпин, Сталин и Хрущев. Принесет ли успех Российскому правительству новое, весенне-летнее наступление? Ответ напрашивается отрицательный. Повсеместно, в установленные Указом Президента сроки, прошли собрания в колхозах и совхозах, а решение сплошь и рядом одно: не хотим передела земли, хотим, чтобы колхоз был.

Казалось бы, у колхоза, совхоза изношенный зипун, постоянные недоборы урожая, мизерные доходы, нищета и убогость. Эх, взять бы землю в свои руки, хуже ведь все равно не будет. Ан, нет.

Что бы там ни говорили о нынешнем колхозе, но именно он, а не местный Совет стал правопреемником сельской общины, унаследовав от нее понятные людям принципы. Они, как известно, предельно просты: не дать слабому стать нищим, а крепкому – богатым. К лучшей жизни стремиться миром. А если учесть, что русская деревня никогда не пользовалась щедростью своего государства, а, наоборот, в годы лихолетья отдавала все на его спасение, то станет более понятным, откуда берется живучесть этих принципов. Тем более, что слабых в деревне не убывает, а, наоборот, прибывает. Вот и получается, что ожидаемые с таким нетерпением и надеждой реформы на селе рискуют обернуться формальной сменой вывесок на стенах контор. Да только ли вывесок? Сама мысль в том, что вышедший из хозяйства сосед заимел трактор, землю, несколько коров, вызывает массовый протест сельчан. И вот, смотришь, новоявленный хозяин превращается в изгоя. Часто печать, радио, телевидение находят виновника этого торможения в лице председателей и директоров хозяйств. Но большинство из них лишь выражают общее мнение сельских жителей, а те, кто пытается активно способствовать развитию новых форм хозяйствования, сами превращаются в заложников общественного мнения. За примерами далеко ходить не надо. Вот колхоз «Светлый луч» Почепского района. Здесь молодая и крепкая семья Боклач решила обзавестись собственным хозяйством. Глава семьи, ранее работавший директором Дома культуры, взял 18 га, приобрел нехитрый инвентарь, технику. Вскоре в хозяйство появились три коровы, птица. Решила оставить работу в должности главного бухгалтера колхоза жена. Но не тут-то было! Общее собрание колхозников решило: фермерское хозяйство расформировать, а председателя колхоза заменить. Или другой пример из совхоза «Жития» (теперь это сельскохозяйственный

кооператив). Один из внутрихозяйственных кооперативов «Козарезовский» добился в минувшем году результатов, значительно превышающих среднесовхозный. Естественно, резко подскочила заработная плата кооператоров. Появилась уверенность в своих силах и желание обособиться от совхоза. А в ответ – единогласное требование: «Пусть берут свои паи и идут куда хотят. Дополнительно ни землю, ни средств не выделять!» И директору наказали всех перевести на сделную оплату.

В чем же дело? Думается, главная причина заключается в том, что нынешние земельные преобразования проходят без учета сложившихся реальностей, слепо копируют известную столыпинскую реформу.

Да, во времена Столыпина сельское хозяйство России развивалось бурными темпами. Но при чем здесь Столыпин и его реформа, если в основной период ее проведения (1906–1913 гг.) вышли из общины, создали хутора и отруба только 11 процентов крестьянских дворов, а среднегодовой прирост продукции в этот период составил около 1,5 процента, то есть почти вдвое меньше, чем до реформы.

Об истинных причинах ускорения мало кто знает. (А тот, кто знает, почему-то предпочитает умалчивать). Не все ли дело в том, что еще задолго до земельной реформы была проведена реформа цен, в результате которой в России были введены общеевропейские цены по всему ассортименту производимой продукции. При этом по всей группе товаров цены повысились в среднем на 28 процентов, а по продуктам сельского хозяйства – на 43 процента. Не на словах, а на деле, таким образом, был обеспечен приоритет цен на сельскохозяйственную продукцию, что открыло широкие возможности для привлечения капитала в деревню, а вместе с ним машин, удобрений, оборудования.

На этом фоне нынешняя сельская экономика поставлена с ног на голову. Рост цен на промышленную продукцию в десятки раз опережает цены на продукты сельского хозяйства. Образовавшийся ценовой вакуум, усиленный злополучным налогом на добавленную стоимость, отсосал из колхозно-совхозных касс не только прибавочный, но и необходимый для нормального воспроизводства капитал. Проводимые меры обрекают сельского производителя на сокращение производства. Не успев освободиться от административно-командного корсета, крестьянин оказался в более жестком экономическом ярме.

Не менее важен ответ и на другой вопрос: на кого делается упор в проводимой реформе? Столыпин в свое время отмечал, что, проводя реформу, правительство «ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных». А что же наше правительство? Из многих пореформенных документов видно, что земля, как и другие средства производства, подлежит разделу равными долями или пропорционально трудовому вкладу как среди трудоспособного населения, так и среди пенсионеров. Если учесть тот факт, что в российском Нечерноземье на каждого трудоспособного приходится 3–4 пенсионера, то нетрудно сделать вывод о том, что три четверти производственных ресурсов предназначено как раз для слабых и убогих.

Неужели при таком раскладе произойдет чудо, ниспосланное правительством вместе с Законом о земельной реформе?

Поскольку на сегодняшний день государство и его местные органы (Советы) отказывают сельским пенсионерам в помощи, то они и тянутся к колхозам-совхозам всеми фибрами души.

Для решения многих сельских проблем надо при каждом сельском Совете организовать кооперативы или товарищества по совместной обработке земли, находящейся в личной собственности граждан, а также по оказанию коммунальных услуг. Казалось бы, для этого все условия: есть земельный налог, распорядиться которым предоставлено право сельским Советам по своему усмотрению, есть имущественные и земельные пай, которые по желанию граждан можно было бы объединить в составе кооператива или товарищества. В таком случае производственные коллективы колхозов и совхозов оказались бы более свободными в выборе новых форм хозяйствования. Но Советы всех уровней по-прежнему стоят стороне от реформы, не хотят нарушать сложившийся еще со времен застоя покой и «порядок».

Действующие законодательные акты по земельной реформе, к сожалению, двусмысленно трактуют права горожанина на получение участка земли. А ведь сколько среди этой категории специалистов сельскохозяйственного производства, готовых вернуться в родительские края при доброжелательном к ним отношении!

Думается, наше законодательство должно предоставить право городским жителям, служащим государственного аппарата иметь в частной собственности землю, передаваемую им на общих основаниях, безвозмездно или путем выкупа. Конечно, есть проблемы с обработкой этих участков. Но если при сельских Советах будут функционировать товарищества по совместной обработке земли, эти проблемы будут разрешены.

Решение многих насущных вопросов реформы осложняется запутанной системой руководства отраслью. Есть Министерство сельского хозяйства и его органы на местах, параллельно функционируют комитеты по земельной реформе и ассоциации крестьянских хозяйств, советы колхозов, Союз аграрников. Но ни одна из этих структур не способна в комплексе решать задачи по развитию сельской инфраструктуры, утверждению новых форм хозяйствования. Было бы целесообразно, чтобы вопросами села занимались только две организации – Министерство сельского хозяйства с передачей его органам на местах всех функций по проведению реформы и развитию фермерства и единая общественная организация в лице союза сельскохозяйственных производителей.

Пока техническая оснащенность нашего крестьянина в десять раз ниже, чем американского фермера. Значит, без артельного труда просто не обойтись. Поэтому не к смене «нарядов» должна сводиться аграрная реформа, а к проведению экономических мер, побуждающих производителя к переходу на современные технологии, специализацию, кооперацию. Много ли для этого надо? Думаю, нет. Во-первых, освободить производство от попечительства и

благотворительности, передав эти функции и необходимую инфраструктуру сельским Советам, Во вторых, ограничиться только двумя формами налогообложения – земельным налогом и налогом на прибыль. При этом та часть прибыли, которая идет на затраты по переходу на специализацию, кооперирование, прогрессивные технологии, должна быть освобождена от налогов.

В-третьих, дать наконец сельскому хозяйству необходимую для специализированного производства систему машин, ввести льготное кредитование для их приобретения.

До тех пор, пока эти меры не «заработают», крестьянин не сойдет с перекрестка, а горожанин – с митинговой площади...

А. СУББОТИН,

председатель областного совета Союза аграрников.

(«БР» за 26 марта 1992 года)